

ИРИНА ВИЛЬЕВНА ЛЬВОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ilvovaster@gmail.com

ЖЕНСКАЯ ПРОЗА КАРЕЛИИ: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭТИКИ Р. МУСТОНЕН

Рассматриваются особенности поэтики рассказов Р. Мустонен 1990–2000-х годов в контексте развития современной женской прозы Карелии. Этот аспект изучения творчества Мустонен предпринят впервые, что обусловило новизну и актуальность исследования. Показывается, как в творчестве писательницы трансформируется женская традиция повествования, переосмысливается традиционный «женский» сюжет о поисках женщиной любви, что, в свою очередь, определяет особенности поэтики: пространственно-временной организации текста, композиции (включение фигуры рассказчицы), использования комплекса устойчивых мотивов (в том числе доминирующего мотива полета), гротеска и других приемов комического. В работе используется материал бесед автора с Р. Мустонен.

Ключевые слова: женская проза, современная проза писателей Карелии, проблема идентичности, герой-повествователь, гротеск

Одним из важных явлений в развитии литературы Карелии второй половины XX века стало возникновение и становление женской прозы. С приходом женщин-писательниц: Р. Мустонен, Г. Скворцовой, М. Лишанской, Я. Жемойте и др., – изменяется не только литературный ландшафт, но и сама литература, в которой женский взгляд на окружающий мир становится значимым и существенно определяет своеобразие литературы Карелии этого периода. Данный феномен отражен в работах И. Савкиной [8], Е. Марковой [5], А. И. Мишина [4], Ю. Дюжева [6] и других исследователей литературы Карелии. И. Савкина рассматривает женскую прозу (то есть прозу, написанную женщинами) как явление типологическое, стремится выявить особенности проблематики и поэтики:

Самое интересное в женской литературе – то, что есть только в ней и нигде больше: образ женщины, женского начала, увиденный, осмысленный и воссозданный самой женщиной. Когда избирается такой подход к женской прозе, то становится возможным не только поставить в один ряд произведения писательниц, несхожих в своих жанрово-стилевых пристрастиях, но и рассматривать наряду с отечественной – прозу переводную [8: 393].

Однако вопрос о том, что такое женская проза, как формировалась женская традиция повествования, поставленный И. Савкиной в связи с выходом первых сборников женской прозы Карелии, остается дискуссионным и требует обстоятельного рассмотрения. В связи с этим обращение к творчеству Р. Мустонен, известного прозаика, драматурга, киносценариста, представляется наиболее уместным для понимания особенностей становления женской прозы Карелии.

Раиса Мустонен пришла в литературу в 1970-е годы, став первой писательницей Карелии и наиболее значимым прозаиком этого периода. Она автор рассказов и повестей, вошедших в сборники «Каждый охотник желает знать...» (1981), «Бермудский круг» (1986), «Письма к незнакомым

людям» (1989), «В начале была любовь» (2004)¹. Предметом анализа стали рассказы, вошедшие в последний сборник, а также интервью и беседы с автором. Выбор литературного материала объясняется его значимостью в творческом наследии Р. Мустонен. Рассказы получили признание критики и высоко оцениваются самим автором.

Попытки охарактеризовать поэтику женской прозы разнообразны и основаны на разных методологических подходах (см. например: [1], [3], [7], [9], [10]). В данном исследовании основное внимание уделяется особенностям формирования женской повествовательной традиции на примере творчества Р. Мустонен. Нельзя не учитывать многообразие факторов, влияющих на этот процесс, в том числе и влияние литературной эпохи – реалистической прозы советского периода.

Говоря о влияниях, Р. Мустонен в беседе отмечала:

Женщины на меня никак не повлияли. Немного нравилась Виктория Токарева, немного Петрушевская. Но первая преувеличивала радость жизни, а вторая преувеличивала зло жизни. Вот если бы их смешать – получилась бы милая моему сердцу писательница. Нравилась Айрис Мэрдок. Но мужское перо люблю больше².

В интервью она также признавалась:

Мои любимые писатели Достоевский и Платонов. Не знаю, каким уж боком они на меня повлияли. А существенно повлиял Довлатов.

Среди влияний Р. Мустонен также называла Ш. Андерсона и У. Голдинга. Таким образом, «женская традиция» никогда не была для писательницы предметом рефлексии и тем более подражания. Но в том же интервью Р. Мустонен отмечала существующие отличия между женской и мужской точкой зрения:

Мы живем в мире, где пока еще превалирует мужская точка зрения на все. Наверное, поэтому термин «женская литература» подразумевает «второсортность». Но мы ведь составляем большую половину человечества и, думаю, не худшую, и тоже имеем право голоса. Было бы

смешно, если бы я вдруг заговорила басом. К сожалению, довольно часто мужчины говорят дамскими голосами.

В произведениях Мустонен женская точка зрения на события подчеркнута и организует повествование. Писательница зачастую выбирает форму сказа, таким образом, в произведениях присутствует рассказчик – женщина, которая является наблюдателем, свидетелем или участником событий (например, в рассказе «Пеперуда» рассказчица – подруга героини, имеющая собственную биографию и историю). Форма повествования может быть интерпретирована как женская – писательница воссоздает женский монолог или разговор подруг, используя стилизацию под народную речь: «разбитой морде лица», «совсем лыка не вяжет, в сосиску пьяный, в дупль, в хлам», «у ее подъезда водку пьянствует», «вот такой моряк с печки бряк» и т. д. («Щасте»), вводит женский комментарий с определенным набором лексических средств, речевых оборотов.

Женская проза тяготеет к исследованию бытия через бытовое, тривиальное. Традиционными для женской литературы являются темы семьи, брака, межличностных отношений. Наиболее распространенный женский сюжет – героиня в поисках счастья, понимаемого как благополучие в счастливом браке. Этот сюжет появляется в викторианском романе, но к нему обращается и современная женская литература – Э. Манро, Э. Уокер.

Мустонен также использует традиционный для женской прозы сюжет. Героиня ищет не только благополучия, но и определенного социального статуса. Самоопределение и самоидентификация женщины происходят только через мужчину, именно любовь к мужчине и семья составляют целеполагание и смысл жизни женщины. Характер поисков женских персонажей предопределен не только социальным опытом, но и традицией повествования о женщинах. Так, героиня рассказа «Щасте» Олюшка ищет «личнава щастя», для этого она знакомится с разными мужчинами. Сама ситуация интерпретируется автором как типичная: «Ну не дурочка ли?.. Или просто доверчивая, как многие женщины, которые жаждут “щастя”» (20). Постепенно героиня осознает труднодостижимость счастья и готова на компромисс: «Попался бы обыкновенный, нормальный человек, пусть даже женатый, и родить бы от него ребеночка» (28). Однако традиционный сюжет поиска предполагает встречу героини с будущим мужем. Искомый предмет должен быть найден. Кульминацией рассказа Мустонен является момент встречи героини с Олегом, с Ним, «с большой буквы». Эта встреча и сам герой практически не описываются рассказчицей, она обходится формулой: «нет слов». Тем самым она апеллирует к читательскому опыту, который предполагает хорошее знакомство с этим сюжетом и знание приемов, описывающих счастливый финал. Но Мустонен разрушает канон, продолжая повествование и вводя авторский комментарий. Она противопоставляет понятие щастя и счастья. Счастье глубже и объемнее, и автор приводит множество определений счастья: «это и есть такое состояние, когда ты совпадаешь со мной, а я с тобой»,

«счастье – это просто жить, а потом умереть, то есть вернуться домой, в космос...» (34, 35) и т. д. Писательница переосмысливает традиционный сюжет, включая другие цели поиска. Героиня стремится выйти за пределы быта, расширить границы своего существования, обрести гармонию с собой и вселенной. Важно отметить, что пространство, в котором существует героиня, постепенно расширяется, ее движение меняет направление – вместо горизонтали, она обнаруживает вертикаль – возможность восхождения к другим мирам и другим истинам. В литературной традиции это фаустовский поиск, который ведет мужчина, и у Мустонен он только намечен как альтернатива традиционному женскому пути. Маркеры пространства в первой части рассказа указывают на его замкнутость, механистичность. Героиня находится то в ведомственной библиотеке завода бумагоделательных машин, то в Доме культуры турбовентиляторного завода. Любовь освобождает героиню, она открывает пространство свободы: «вдвоем с ним летали над самой Землей, на Земле, как на небе» (33). Их встреча была в «прошлом тысячелетии на небесах». Не случайно муж героини – летчик, прилетевший «на крыльях любви».

Стремление героини выйти за пределы женского удела изображается и в других рассказах. Так, в рассказе «Большая белолобая любовь Любы Белолобовой» к свободе стремится муж героини:

...все стремится куда-то улететь. Может, в теплые края, может, еще куда. А мы его все отговариваем: куда тебе, у тебя и крыльев-то нет и уже не вырастут. А-а, говорит, хоть гнездо себе где на дереве свить, все повыше (14).

Неудовлетворенность настоящим, бегство от рутины, жажда творчества интерпретируются в рассказе как мужские качества, противопоставленные женским: «А тебе этого мало? Вопрос был женский. А ответ – истинно мужской. Мало» (15). Чтобы не расставаться с мужем, героиня разделяет с ним его стремление к полету. Однако, как и в первом рассказе, попытка полета лишь временно освобождает героев, которые вынуждены погрузиться в быт.

В рассказе «Пеперуда» мотив полета является доминирующим и сюжетообразующим. Как сообщает рассказчик, героиня рассказа также ищет счастья в любви: «Никому ничего худого от этих поисков счастья не было» (73). Жизненный путь Вероники – от влюбленности к влюбленности, от брака к браку, однако счастье для нее не в браке, даже не в любви к мужчине, а в состоянии свободы, полета. Этот путь воспринимается окружающими как неправильный, непонятный, эксцентричный, он неизбежно ведет к гибели героини. Но у рассказчика он вызывает сочувствие и понимание. В отличие от предыдущих рассказов повествователь избегает иронических комментариев, а признается, что испытывает боль потери: «Разве тебя нет, женщина-бабочка? Тс-с-с!.. Я слышу шелест крыльев...» (81). Таким образом, традиционный сюжет поиска героиней любви и семьи, которые должны определить ее социальный статус и способствовать самоидентификации, иронически переосмыслен благодаря использованию фигуры женщины-рассказчика,

изменению художественного пространства, а также включения в повествование мотивов полета, бегства. Тем не менее женские истории остаются историями поиска любви.

Нужно отметить, что само понятие любви, которую ждут и ищут героини рассказов Мустонен, также подвергается ироническому переосмыслению. В рассказе «Большая белолобая любовь Любы Белолобовой» повествователь замечает:

Любовь – психическое заболевание, протекающее с характерными изменениями личности, выражающимися в эмоциональном подъеме, утрате единства личности, потере связи с реальностью, характерными расстройствами мышления и развитием в определенной последовательности бредовых идей (6).

Любовь и освобождает героинь рассказов от рутины, привнося новый смысл в их жизнь, но и закрепощает, формируя зависимость от объекта любви.

В рассказе «Любошь» отношения между любящими столь мучительны, что разрыв воспринимается как освобождение. Любовь к мужчине как цель и смысл жизни для героинь перестает быть такой безусловной.

Таким образом, в прозе Мустонен не только переосмысливается традиционный «женский» сюжет, но и усложняются представления о женской природе, о характере женских поисков и желаний. Сама Р. Мустонен так прокомментировала существующие отличия между женским и мужским миром, женским и мужским способом существования:

Поэт Юрий Кузнецов как-то сказал, что мужчина смотрит на бога, а женщина на мужчину, мол, поэтому женщины не создали ни одного по-настоящему великого произведения. Тут я бы поправила любимого поэта. Женщина смотрит не столько на мужчину, сколько на свое дитя. Женщина прежде всего мать, даже если по каким-то причинам у нее не случилось детей. Мужчина, на мой взгляд, более одинок в этом мире. Мужчине не остается ничего другого, как бороться с ужасом бесследности, с небытием, утверждая себя в деле, которое останется и после него. Хотя допускаю, что женщина и биологически не приспособлена к тому, чтобы быть гениальной. Мужчины масштабнее мыслят. У меня есть свое определение искусства: «Искусство – это попытка, способ разговора с Богом». Я это определение передала своему герою, что характерно – мужчине. Было бы, наверное, нелепо, если бы эти слова в моем тексте произнесла женщина-героиня. Женщинам по общепринятому мнению вроде как не пристало теоретизировать и философствовать (для них главное – пеленки-распашонки, любви-моркови и т. д.). Хотя наша знаменитая академик Наталья Бехтерева, специалист по мозгу, как-то сказала: как ни странно, но мозг женщин хорошо приспособлен для писательства (цитирую по памяти). Великие женщины-писательницы существуют (те же английские романистки), но дождемся, наверное, и гениальной, так как мир, на мой взгляд, все же потихоньку отходит от мужского шовинизма.

В этом суждении писательницы отражены существующие противоречия в представлениях о месте и предназначении женщины в социуме, а также о женском творчестве. Р. Мустонен признает, что патриархальный взгляд на женщину является продуктом определенной эпохи и неизбежно будет пересмотрен, в то же время она разделяет утвердившиеся представления о биологической предрасположенности женщины к бытовому, узкому, что женщине «не пристало

философствовать», что более широкий масштабный взгляд на мир – прерогатива мужчины. Эти противоречия нашли отражение и в прозе писательницы, где героини ищут женского удела, но подсознательно стремятся вырваться из него.

Эти противоречия есть и в женских образах, созданных Р. Мустонен. Героини рассказов – женщины странные, необычные, эксцентричные, чудаки, по определению Ш. Андерсона (влияние которого писательница испытывала) – гротескные люди. Использование гротеска – одна из особенностей поэтики произведений Мустонен. В повествовании гротескные образы определяют развитие сюжета. Именно гротескный персонаж выявляет тривиальное, пошлое, неблагополучное в повседневности, разрушает привычные представления, раздвигает границы реальности. У героинь необычная внешность: «...и сама смотрелась неординарно: высокомерно даже по нынешним меркам» (18) («Щасте»), «...а фигура странная – гибрид какой-то» (74–75) («Пеперуда»); поведение: «А то еще членовредительством занялась. Он себе нечаянно палец порезал, хлеб резал и порезал. А она отчаянно: как схватит нож, да как ударит им по своей руке! – чуть полпальца не отхватила... И все с улыбкой, блаженной на устах, с блеском безумным во взоре» (5–6); «Влезла Люба в гнездо, села на краешек, ноги свесила» (15) («Большая белолобая любовь Любы Белолобовой»); и т. д.

Именно странная, гротескная природа героинь дает возможность им вырваться за пределы бытового, женского, а главное, почувствовать условность принятых норм и правил. В глазах окружающих они безумны, но их безумие чело-вечно, тогда как норма механистична, безжизненна. Гротеск – указание и на их маргинальность, которая является частью женского опыта.

Гротескная стихия присутствует и в повести «93-й год, или бортовой журнал машинистки Риты Ч.»³. Гротескной является постперестроенная реальность, о которой повествует героиня. Здесь уже не герой «вывихнут», а мир, в котором существует герой. Дихотомия мужского и женского обозначена уже в начале этого произведения. Героиня заявляет, что представляет Землю как корабль, в котором она не машинист, а машинистка. Словесная игра указывает на женский статус, закрепленный в языке. Машинист – тот, кто ведет корабль, машинистка – воспроизводит уже готовый текст, в ее профессии отсутствует творческое начало. Однако героиня чувствует себя творцом, она воссоздает и творит реальность словом. В частности, гротескная природа реальности выражены в «блясах», которые сочиняет героиня. В начале повести рассказчица определяет особенности жанра женского дневника – он всегда «только про любовь», но в тексте любовная линия оказывается второстепенной, и только формально поддерживает жанровую традицию. Как и в рассказах, героиня повести стремится не только понять смысл происходящего с ней, страной и миром, но и выйти за рамки бытового, открыть для себя новые пространства, другую метафизическую реальность. В финале повести она размышляет:

А если книга упала – почему? Почему именно сейчас? Что нарушило равновесие? Или все в постоянном движении, несмотря на видимую неподвижность? Колебания каких-то невидимых частиц, молекул, атомов, электронов? (271).

Так реализуются представления писательницы об искусстве как разговоре с Богом, где не нужны посредники. Женщина только обретает язык, чтобы вести этот разговор.

Проза Мустонен выходит за грани не только бытового, но и регионального. Несмотря на

финские корни автора и тесную связь с историей и культурой Карелии, проблемы, которые она поднимает, не являются специфически северными, «карельскими», а универсальными, они отражают особенности и проблемы формирующейся русской женской прозы.

В последующем драматургическом творчестве Р. Мустонен закрепляется тенденция к исследованию экзистенциальных проблем: усиливается метафоричность ее прозы, используется символический подтекст.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мустонен Р. Г. В начале была любовь. Петрозаводск: Изд-во В. Ларионова, 2004. 270 с. В тексте в круглых скобках указаны страницы.
- ² Мустонен Р. Интервью и беседы. Из личного архива автора. Петрозаводск, 2018. Ссылки в тексте даны на это интервью.
- ³ Мустонен Р. 93-й год, или Бортовой журнал машинистки Риты Ч. // Все живое: Рассказы, повести, пьеса. Петрозаводск: Периодика, 1996. С. 201–271. В тексте в круглых скобках указаны страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочарова О. Формула женского счастья. Заметки о женском любовном романе // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 292–302.
2. Воробьева Н. В. Женская проза 1980–2000-х годов: динамика, проблематика, поэтика: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 257 с.
3. Зверева Г. «Чужое, свое, другое». Феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России // Адам&Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 2. М., 2002. С. 238–278.
4. Мишин А. И. Общая характеристика // История литературы Карелии. Т. 3 / Ред. тома Ю. И. Дюжев. Петрозаводск, 2000. С. 361–370.
5. Маркова Е. И. Образ женщины-творца в «триптихе» Р. Мустонен «Пеперуда», Г. Скворцовой «Дом для тысяч сердец», Э. Орешкиной «Дожди в Протоchnом переулке» // Гендер в творчестве современных писателей коренных народов Европейского Севера России. Петрозаводск, 2005. С. 76–87.
6. Писатели Карелии: Библиографический словарь / Карел. науч. центр РАН, Ин-т языка, лит. и истории, М-во культуры и по связям с общественностью; [Сост. Ю. И. Дюжев]. Петрозаводск: Острова, 2006. 304 с.
7. Ровенская Т. Женская проза конца 1980-х – начала 1990-х годов: Проблематика, ментальность, идентификация: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2001. 28 с.
8. Савкина И. Л. «Да, женская душа должна в тени светиться» // Жена, которая умела летать: Проза русских и финских писательниц / Ред.-сост. и автор вступления Г. Г. Скворцова. Петрозаводск: ИНКА, 1993. С. 389–404.
9. Kolodny Annet: A Map for Rereading: Gender and the Interpretation of Literary Texts // The New Feminist Criticism. Essays on Women, Literature and Theory / Edited by E. Showalter. N.-Y., 1985. P. 46–62.
10. Vater Rhein und Mutter Wolga. Diskurse um National und Gender in Deutschland und Russland / Herausgegeben von Elisabeth Cheaure, Regine Nohejl und Antonina Napp. Identitäten und Alteritäten. Band 20. Ergon Verlag. Würzburg, 2005. 556 p.

Lvova I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

WOMEN'S WRITING OF KARELIA: THE POETICS OF RAISA MUSTONEN'S SHORT STORIES

The article deals with the poetics of Raisa Mustonen's short stories in the context of the modern female prose of Karelia. It shows how the traditions of female narration are transformed in her creative work: the traditional plot about a woman's search for love is reinterpreted, which determines the specific features of Mustonen's poetics: composition, using a complex of stable motifs (including the motifs of escape, flight, etc.), the space and time organization of the text, symbolism and comic elements. The notion of the nature of women's searches become more complicated. The analysis is based on the stories written from 1990 to 2000 and the author's conversation with Raisa Mustonen.

Key words: women's writing, modern prose of Karelia, identity problem, narrator, grotesque

REFERENCES

1. Bocharova O. The formula of a woman's happiness. Notes on female romance novel. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1996. No 22. P. 292–302. (In Russ.)
2. Vorobyeva N. V. Female prose of the 1980s and the 2000s: dynamics, problems, poetics: Diss. ... Cand. Sci. (Philology). Perm, 2006. 257 p. (In Russ.)
3. Zvereva G. "Alien, self, other". Feminist and gender concepts in the intellectual culture of post-Soviet Russia. *Adam&Eva. Al'manakh gendernoy istorii*. Issue 2. Moscow, 2002. P. 238–278. (In Russ.)
4. Mishin A. I. Overview. *History of literature in Karelia*. Vol. 3. Ed. Y. I. Dyuzhev. Petrozavodsk, 2000. P. 361–370. (In Russ.)
5. Markova E. I. The image of a creative woman in the "triptych" of books, including *Peperuda* by R. Musonen, *The House for Thousands of Hearts* by G. Skvortsova and *Rains in Protochny Lane* by E. Oreshkina. *Gender v tvorchestve sovremennykh pisateley korennykh narodov Evropeyskogo Severa Rossii*. Petrozavodsk, 2005. P. 76–87. (In Russ.)
6. Writers of Karelia: bibliographic dictionary. Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Institute of Language and History; [Comp. by Y. I. Dyuzhev]. Petrozavodsk, Ostrova Publ., 2006. 304 p. (In Russ.)
7. Rovenskaya T. Female prose of the late 1980s and the early 1990s: problematics, mentality and identity: Abstract of Diss. ... Cand. Sci. (Philology). Moscow, 2001. 28 p. (In Russ.)
8. Savkina I. L. "Yes, a woman's soul should shine in the shade". *A wife who knew how to fly: prose of Russian and Finnish female writers*. Comp. and introduced by G. G. Skvortsova. Petrozavodsk, 1993. P. 389–404. (In Russ.)
9. Kolodny Annet: A map for rereading: Gender and the interpretation of literary texts // *The New Feminist Criticism. Essays on Women, Literature and Theory*. Ed. E. Showalter. N.-Y., 1985. P. 46–62.
10. Vater Rhein und Mutter Wolga. Diskurse um National und Gender in Deutschland und Russland / Herausgegeben von Elisabeth Cheaure, Regine Nohejl und Antonina Napp. Identitäten und Alteritäten. Band 20. Ergon Verlag. Würzburg, 2005. 556 p.

Поступила в редакцию 10.08.2018